

> МАТИС ТРАЛЪ >

АЛИСА АТАРОВА

Медвежий брод

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А92

Литературный редактор
Влад Чарный

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Внутренние иллюстрации
Евгении Лукомской

Атарова, Алиса Михайловна.

А92 Медвежий брод / Алиса Атарова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 288 с. — (Магистраль. Главный
тренд).

ISBN 978-5-04-213392-3

Федор Чу, метеоролог, и его беременная жена Нина приезжают в глухое сибирское село Солнечное на месячную вахту. Это должно было стать передышкой перед родами и помочь им наладить отношения, но вместо этого Федя и Нина попадают в медвежий угол: его жители крайне суеверны и поклоняются медведю-хранителю. Отношения между супругами и местными накаляются, когда в Солнечном начинают происходить странные происшествия.

«Медвежий брод» — роман про сибирскую деревню, суеверия и шаманизм. Вошел в финал литературной резиденции ЭКСМО & АСПИР, посвященной культуре, традициям и фольклорному наследию народов России.

Алиса Атарова — писатель, переводчик-китаист, автор книг: «Золотая клетка» (под псевдонимом Юй Сы), «Демонология Китая».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Атарова А.М., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-213392-3

Чем дальше от города — тем сильнее вера.
Каждая душа выбирает, куда ей прийти.

Автор

Это чувство сильнее любого медведя
И выше подъемного крана,
А все остальное — пыль и болотная тина.

Сплин «Скоро будет солнечно»¹

¹ Автор песни — Александр Васильев, основатель и лидер группы «Сплин». Источник: Musixmatch.

Вместо предисловия

Приветствую, дорогие читатели! Прежде чем вы начнете читать эту книгу, я хотела бы дать вам немного контекста для понимания.

Большая часть действия книги вращается вокруг медвежьего культа (это даже не спойлер, поскольку об этом говорится в аннотации). Медвежий культ — один из самых древних на Руси. Славяне издавна верили в магическую силу медведя. Даже одна из ипостасей самого древнего бога славянского пантеона — Велеса, «скотьего бога» и противника Перуна, — это медведь. Велес считается богом трех миров (Прави, Яви, Нави) и представляет собой сильную сущность, свободно перемещающуюся между ними, почитаемую как покровитель мудрости и магии. Потому и медведь имеет сильную связь с магией.

Медведь почитался как хранитель леса, у некоторых народов — даже как прародитель, великий предок. Само слово «медведь» — эвфемизм,

потому что название этого великого зверя было табуированным. Назвать медведя по имени — значит призвать его к себе.

У некоторых славян существовал медвежий праздник — обширный комплекс обрядов и ритуалов от охоты на медведя до его ритуального приготовления, «приглашения в дом». Повсеместно среди охотников, идущих на медведя, была традиция: убив медведя, извиниться перед ним, переложив вину на «русское ружье», чтобы зверь не обозлился и не навредил охотникам. Никогда охотник не скажет, что он убил медведя — зверь сам сдался.

Итак, медведь — почти священный зверь, опасный, но при этом способный оградить от колдовства, сглаза, порчи и всевозможных несчастий.

1 июля

Дребезжали стекла, сиденья, крыша; дрожали даже щеки. Казалось, что вся реальность болтается и подпрыгивает на песчаных кочках проселочной дороги. Федя прижимал к себе чемодан, чувствуя, как содрогаются очки и сердце, а Нина смотрела в окно, крепко обнимая живот, будто это могло удержать его от дрожи. «Буханка» мчалась по узкой дороге, словно за ней кто-то гнался, хотя ни спереди, ни сзади никого не было. Водитель — загорелый высохший мужчина с обветрившимся на солнце лицом, щербинкой между передними желтыми зубами и сигаретой за ухом — крутил баранку, петляя между лужами.

— Не тошнит? — спросил Федя.

Нина осторожно помотала головой, боясь выплеснуть наружу что-то лишнее. Она лишь крепче сжала зубы и руки. Автобус подпрыгнул, и лицо Нины побледнело еще больше.

— Я с ним сейчас поговорю, — решительно сказал Федя и наклонился, чтобы поставить чемодан на потертый бледно-желтый пол.

Автобус снова совершил залихватский скачок, и Федя ударился подбородком о поручень спереди.

Потирая ушибленное место, Федя поднялся и, будто пьяный, побрел по проходу вперед. Его шатало и болтало, и он тоже почувствовал тошноту. Федя наконец зацепился за поручень и навис над водителем. На лобовом стекле качались четки, и маленький распятый Иисус подмигивал с иконки при каждом толчке. На панели виднелось еще несколько приклеенных выцветших иконок, а передняя часть была обита леопардовой тканью. Из-под пенопласта с прорезами для монеток выглядывала ревущая пасть медведя.

— Вы не могли бы ехать чуть помедленнее? — вежливо спросил Федя.

— Чего? Громче говори! — крикнул водила, не оборачиваясь.

Из магнитолы лился прилипчивый шансон, колеса неслись по дороге.

Федя повысил голос:

— Я говорю, помедленнее можно ехать? У меня жена в положении.

— В положении? — Водитель явно не понял и обернулся.

Автобус, повторяя его движение, тоже вильнул вбок. Водитель тут же повернулся обратно

и яростно крутанул руль, объезжая большую лужу. «Буханка» провалилась в нее задним колесом и подпрыгнула. Федю тряхнуло, и он обеспокоенно оглянулся на Нину.

— Беременна, — пояснил он.

— А, брюхата? Пусть потерпит, почти доехали.

Будто в подтверждение его слов впереди мелькнула и исчезла белая табличка с названием населенного пункта.

— Вы же до Солнечного, да?

Водитель резко ударил по рулю на повороте, и из бескрайнего леса вдруг выскочил дом. За ним еще один, и еще.

— Пять минут! — и водитель прибавил радио.

Оно зашипело, захрипело, прерывая какую-то неразборчивую песню. Почти не ловило.

Федя постоял еще с несколько секунд, а затем побрел обратно.

— Пять минут, — доложил он Нине.

Та кивнула, и ее белые пальцы крепче сжали живот.

Она уже миллиард раз пожалела, что согласилась. На новую Федину работу. На переезд. На его предложение. На его извинения. На просьбу оставить ребенка.

Нина тяжело сглотнула. Голова кружилась, ноги и руки болели, задницу отбило на пластиковом сиденье. Чемодан врезался в коленки и бил по чашечкам каждый раз, когда автобус делал скачок.

За окном таежные сосны сменились неказистыми елями, низким кустарником и домиками. Маленькие и большие, новые и старые, из их труб поднимался серый дым, затемняя белое солнце. «Буханка» вылетела из леса на поле с колосистой зеленой травой и большим деревом, нависшим над развилкой. Автобус сделал последний рывок, дернулся вперед, назад и застыл, гудя и пыхтя от усталости.

— Солнечное! — крикнул водитель. — Ваша остановочка.

Федя вскочил, суетливо схватился за сумку, потом за рюкзак, потом бросил сумку на сиденье, надел рюкзак, снова схватил сумку. Нина тяжело поднялась, поддерживая поясницу. Ее большой живот выпятился вперед, и зеленое платье в горошек скользнуло вниз, демонстрируя темную потную полосу под ним. Федя посмотрел на жену, потом схватил вещи и поспешил на выход. Он выпрыгнул из автобуса на серую обочину, поставил все на землю, а потом снова залез в автобус и схватил Нину за локоть.

— Не надо, — поморщилась она.

Нина ненавидела, когда Федя начинал суетиться. Она осторожно прошла между сиденьями, стараясь не задевать животом облезлый пластик, и с помощью мужа выбралась наружу. Ноги гудели, опухшие и уставшие от долгой неподвижности.

— Ну, прощайте! — бросил водитель, и дверь со скрежетом закрылась.

«Буханка» фыркнула, зазвенела и сорвалась с места, обдав их выхлопными газами.

Они остались вдвоем на старой синей остановке, среди тишины, внезапно обрушившейся на них после шумного автобуса. Нина вздохнула. Дерево над ними — широкое, протянувшее черные ветки как пальцы, будто только для того, чтобы подарить тень, — тоже вздохнуло, листва зашумела над их головами. Жаркий летний ветер доносил с поля запах цветов и травы, нагретой на солнце, а вместе с ним и жужжание каких-то насекомых, и стрекот кузнечиков. Справа, за полем, блестела ослепительной полосой река, и Нина почти слышала, как журчит глинистая вода.

— Пойдем? — спросил Федя, кивая на дорогу слева.

Чуть поодаль, под сенью сосен, виднелись дома — насупленные бурые крыши в зеленой толще. Нина кивнула и побрела вперед. Федя поправил очки, подхватил сумку, поставил чемодан на колесики и поспешил за ней. Асфальт жарил даже сквозь кроссовки, и тепло поднималось вверх, согревая опухшие ноги Нины. Ей хотелось упасть прямо здесь, выпрямить спину, вытянуть руки и лежать. Пока ее кто-нибудь не переедет.

— Почему никто не встречает? — спросила она. — Я думала, главу — нет, тут, как это, староста? — в общем, начальство должны были предупредить.

— Может быть... они уже сейчас... идут нам навстречу, — сказал Федя, задыхаясь от жары и тяжести.

Лямки рюкзака вгрызлись в его плечи, оттягивая их назад, сумка перекашивала тело набок, а чемодан застревал во всех трещинах старой бетонки.

Нина не ответила. Она в этом сильно сомневалась. Легкая радость, охватившая ее при первом вдохе запаха полевых цветов, рассеялась, оставив горький привкус тошноты на корне языка. Небо снова потускнело, белое от палящего солнца, выжженная трава поблекла, тонкие кусты опустили ветви, согнувшись под натиском духоты. Нина тоже согнула спину, лопатки разошлись, под ними было влажно и горячо.

От остановки до села было метров пятьсот — от дуба через поле, а там между двумя серыми каменными зданиями в елях, и вот они уже на кругляше площади с какой-то стелой. Нина прищурилась в дрожавшем от жары воздухе и удивленно приподняла брови: из крайнего левого здания к ним навстречу правда кто-то спешил.

Это был маленький, приземистый человек в утиной кепке, шортах и клетчатой рубашке, свободно болтавшейся на его сухоньком теле. Он торопливо перебирал ногами, припадая на левую ногу, а его острые коленки двигались из стороны в сторону.

— Вы уже здесь! — крикнул он, когда между ними оставалось еще метров пятьдесят. — Позвольте-позвольте!

Он вытянул руку и так и шел с ней на весу, будто с расстояния мог схватить сумку Феди. Однако вместо этого он почему-то подхватил Нину под локоть. Мозолистые жесткие пальцы со странной для такого тщедушного тела силой врезались в тонкую кожу Нины. Она ойкнула и попыталась вырваться. Человечек тут же отстранился, убрал руку и выхватил сумку у Феди.

— А вы?.. — Федя отдал сумку совершенно безропотно, будто соглашаясь с авторитетом этого маленького человечка.

Мужчина улыбнулся, его узкое лицо растянулось целиком от уха до уха, из вертикального став горизонтальным, и обнажились такие же узкие желтые зубы, как у лисы.

— Иван, — он с легкостью забросил сумку на плечо и протянул ладонь. — Иван Борисович Стрельня, глава, как это, му-ни-ци-пальнага образования. Староста, в общем. По всем вопросам ко мне обращайтесь.

— Федор Чу. А это моя жена Нина, — Федя протянул руку в ответ.

Иван Борисович почему-то замер, сдвинул кепку на затылок и поднял глаза на Федю. Староста оказался даже ниже его, хотя Федя тоже ростом не отличался. Это Нина возвышалась над ними. Светлая, тонкая, статная, со своим боль-